

Константиновича Костанди. Для одесситов, наверное, самое примечательное то, что Василий Константинович был старшим братом замечательного живописца — одессита Кириака Константиновича Костанди. Сам Василий Константинович проработал всю жизнь кассиром на газовом заводе (умер в 1917). Рядом с ним на фотографии сидят самая младшая дочь Ксения Васильевна, жена Тереза Эммануиловна и зять, муж дочери Варвары, Иван Константинович Марценицен. Стоят дочери и сыновья: Георгий Васильевич, Лидия Васильевна (в замужестве Грицина), Варвара Васильевна (в замужестве Марценицена) и Леонид Васильевич.

Олег КОСТАНДИ

Автор и его время

Я часто вспоминаю деда,
хотя мы и не были знакомы.
С. Довлатов. "Наши"

Перед нами исторический документ. Это дневник офицера русской армии Леонида Васильевича Костанди. В ту пору, как явствует из пометки в начале дневника, штабс-капитана. События, которые описываются в нем, посвящены началу первой мировой войны.

Надо сразу уточнить жанр документа. Конечно, перед нами не просто личный дневник свободного в своих переживаниях и пристрастиях человека, не связанного никакими обязательствами, кроме велений своей совести. Может быть, наиболее явно об этом свидетельствует внешний антураж дневника. Записи делаются, по сути, в уставном документе, определенном как "Ежедневный журнал военных действий", имеющем стандартную форму, выполненную типографским способом. Он открывается "Наставлением для ведения ежедневных военных действий в отделениях и частях

войск" и в соответствии с требованиями заканчивается утверждением командира полка. Понятно, подпись отсутствует. В "Наставлении" подробно расписаны требования, предъявляемые журналу, в который должно вносить подробно "все достойное внимания". Можно сказать, что автор записей в какой-то степени ориентируется на эти требования. Но вместе с тем он вносит свой, не определенный уставом, субъективный, сугубо человеческий взгляд на происходящие события, чувствуя себя свидетелем и участником исторических коллизий. Дневник этот не может быть утвержден, конечно, никаким официальным лицом в качестве уставного.

События, описываемые Л.В. Костанди, охватывают период с июля 1914 по июнь 1915 года. Правда, последняя запись стоит несколько особняком. Она предельно лаконична и сделана через 10 месяцев после предшествующей. Это своеобразный эпилог, который завершает участие Л.В. Костанди в военной кампании, итог подведен уже в Ревеле. Отсюда же он в июле 1914 уходил на войну. Круг замыкается.

Центральные события дневника датируются июлем и августом 1914 года, т. е. первыми месяцами войны. Его автор не всегда может вести дневник систематично и размеренно. Так, первые записи делаются в поезде на пути к месту назначения Леонида Васильевича и реконструируют предшествующие несколько дней. Очевидно, что сам Л.В. Костанди не сторонний наблюдатель происходивших событий, а прежде всего, их ак-

тивный участник и втянут в водоворот военной кампании, когда время уплотняется, становится осязаемым. Эта его особенность, видимо, решающая, и определяет сюжетную канву записей. Чем глубже автор втягивается в военные действия, чем напряженнее они становятся, тем меньше у него возможностей о них рассказать. Это, скорее всего, и объясняет обрыв записей 18 августа 1914 года, в кульминационный момент военной операции, в которой Л.В. Костанди принимает участие. Далее начинается уже настоящая война... Таким образом, в дневнике отразился тот непродолжительный отрезок времени, когда военные действия только набирают силу, и у автора еще остается время на их осмысление и фиксацию. По сути, мы видим еще отголоски мирной жизни...

Конечно, за любым документом стоит некая историческая реальность. В дневнике она достаточно локальна. И хотя трудно судить об исторической ценности коротких записей Л.В. Костанди, попробуем включить их в более широкий контекст начального этапа войны, чтобы нам стало яснее, о каких исторических событиях в них идет речь.

Итак, Л.В. Костанди в штабе Киевского военного округа получает назначение в общий отдел штаба VIII армии Юго-Западного фронта. Этой армией командует, может быть, самый известный и талантливый русский полководец периода первой мировой войны, генерал А. Брусилов. Места, которые становятся театром военных действий, нам до боли знакомы по позднейшим описаниям И. Бабеля. Именно по ним пролегал путь на Варшаву Первой конной армии. Но в августе 1914 года здесь завязывается совсем другое сражение, получившее название Галицийской битвы — одной из наиболее успешных военных операций русской армии начального этапа войны (не путать с Брусиловским прорывом). Основной удар по австро-венгерским войскам наносила именно VIII армия. Начало ее наступления в дневнике отмечено предельно точно — 5 августа 1914 года. А 21 августа VIII армия уже захватила Львов. Л.В. Костанди фактически прекращает ведение дневника за три дня до этого события.

Галицийская битва продолжалась 33 дня и завершилась 8 сентября 1914 года разгромом австро-венгерской армии: она была отброшена за реку Дунаец и прижата к Карпатам. Сбылись и довольно мрачные прогнозы автора дневника. Потери австро-венгерской стороны составили 400 тыс. человек (из них 100 тыс. взято в плен), потери русской армии — около 230 тыс. человек. От поражения в Галицийской битве австро-венгерская армия не оправилась до конца войны.

Однако в этом весьма скромном по объему документе (ныне в истори-

ческих журналах публикуются гораздо более солидные дневники офицеров о Великой, как ее тогда называли, войне) главное место, пожалуй, занимает сам автор. Именно его мировосприятие становится центральной точкой отсчета в описанных событиях. Поэтому стоит остановиться более подробно на его личности и судьбе. Тем более что фигура Л.В. Костанди представляется неоднозначной и в свое время была достаточно заметной в местном ревельском обществе. Он оказался также причастным к процессу обретения независимости Эстонии на самом раннем его этапе.

Леонид Васильевич Костанди родился 20 сентября 1883 года в Одессе. Как записано в его личном деле офицера РИА (Российской Императорской Армии), ныне хранящемся в РГВИА, происходил он "из мещан Херсонской губернии, вероисповедания православного". Семья его отца Василия Константиновича Костанди была многодетной (6 детей). Сам Василий Константинович (из обрусевших ливадийских греков) был скромным служащим и всю жизнь проработал кассиром на газовом заводе (умер в 1917). Но его младший брат, Кириак Константинович Костанди (1852-1921), вошел в число известных русских художников-передвижников. И поныне одна из улиц Одессы носит его имя. Недавно в Украине широко отмечалось 150-летие со дня его рождения.

Леонид Васильевич выбрал военную стезю. После окончания Одесского 6-классного училища в 1901 году на правах вольноопределяющегося он был зачислен рядовым в 16 стрелковый императора Александра III полк. Прослужив год солдатом, он командирован в Одесское пехотное юнкерское училище. Таков был достаточно обычный путь в офицеры молодежи из демократической среды. Понятно, что ни больших связей, ни протекций, ни именитого происхождения у него не было.

В Одесском юнкерском училище Леонид Васильевич минует первые низшие ступени военной карьеры, от унтер-офицера до портупей-юнкера. Заканчивает он его в 1905 году по первому разряду и получает свое первое офицерское звание — подпоручика. По табели о рангах, действовавшей до 1917 года, оно соответствует XII классу из имеющихся XIV. Назначение — 90-й пехотный Онежский полк.* В его основе были два "морских батальона", и по своему характеру, на современной военной терминологии, его с некоторой натяжкой можно отнести к морской пехоте. Место расквартирования полка — Прибалтика. Так Леонид Васильевич Костанди оказывается в Эстонии.

* История этого славного военного соединения, начиная с XVIII века, описана в книге Н. Сытинского (Н. Сытинский. Очерки истории 90-го пехотного Онежского полка. Спб., 1903), которая хранится, например, в библиотеке Тартуского университета.

Жизнь офицера царской армии в провинции конца XIX — начала XX века нам известна по повестям А. Куприна "Поединок", Е. Замятина "На куличках", произведениям А. Чехова. В ней много безрадостного, скучного. Конечно, Ревель был далеко не самым глухим местом в российской провинции. Но, скажем, в 1907-1911 годах Онежским полком командовал полковник Ф.Ф. Кублицкий-Пиоттух, отчим А. Блока, и его жена, А.А. Кублицкая-Пиоттух, с облегчением покидает "опостылевший" Ревель. Тем не менее, Л.В. Костанди, сумев преодолеть инерцию провинциальной службы, первым, после 13-летнего перерыва в Онежском полку, поступил в 1909 году в Академию генерального штаба (Николаевскую) и уехал на учебу в Петербург.

Надо сказать, что с офицерами, желающими получить высшее военное образование в Николаевской академии, обходились весьма сурово. Сначала из всех военных округов отбиралось примерно 300 претендентов. После вступительных испытаний оставалось около 130 человек. Из них заканчивали академию обычно 60-70. За малейшую неуспеваемость следовало немедленное отчисление на место постоянной службы. Могли быть проблемы и на выпускных экзаменах. В этом случае выпускник после окончания академии лишался наименования "офицера генерального штаба". Так произошло с будущим генералом Я. Слащевым-Крымским, выпускником Николаевской академии 1911 года (известным нам как прототип генерала Хлудова в "Беге" М. Булгакова), окончившим ее по второму разряду.

В Николаевской академии в течение отведенных трех лет Л.В. Костанди проходит полный курс. Здесь он, видимо, впервые и знакомится с теми военными-эстонцами, которым в дальнейшем суждено было сыграть значительную роль в истории первой Эстонской Республики, с И. Лайдонером и А. Ларка.* Оба — однокурсники Леонида Васильевича. Все они заканчивают Николаевскую академию в 1912 году по первому разряду. За отличные успехи в науках поручик Л.В. Костанди награждается орденом Св. Станислава III степени.

Он возвращается на место своей постоянной службы в Ревель и получает под командование роту. В свою очередь, например, поручик И. Лайдонер отправляется к месту своей постоянной службы на Кавказ. Национальная политика царского правительства очевидна. С другой стороны, по существовавшему положению, выпускники Академии гене-

* Йохан Лайдонер (1884, д. Вардя — 1953, Владимирская тюрьма) — в будущем главным командующий Эстонской армии. Андрее Ларка (1879, Пилистрере — 1943, лагерь, Кировская обл.) — в будущем генерал Эстонской армии, заместитель военного министра.

рального штаба должны были прослужить два года в прежних частях. Понятно, что дальнейшее продвижение во многом зависело от наличия вакансий. В мирное время для военного возможности карьерного роста были ограничены.*

Но вот начинается война. Л.В. Костанди встречает ее "офицером генерального штаба" в чине штабс-капитана и, как уже было сказано выше, до лета 1915 года воюет в VIII армии на юго-западном фронте, меняя ряд должностей. В короткий период кампании, отраженный в дневнике Леонида Васильевича, уместается еще одно довольно значимое событие, которое, впрочем, не фиксируется. 17 августа 1914 года он отличается в первом серьезном сражении VIII армии в Галицийской операции, за что представлен к награждению Георгиевским оружием. О том, что он удостоен высокой награды (Георгиевские ордена разных степеней и оружие присваивали только за личную храбрость), автор дневника в тот момент знать не мог. Возведение в ранг Георгиевского кавалера требовало особой процедуры. Свидетельства подвига претендента отправлялись в специальный Георгиевский комитет, который рассматривал дело и утверждал либо не утверждал пожалование Георгиевского ордена или оружия. Только 24 февраля 1915 года такое пожалование Л.В. Костанди было утверждено. В его личном деле сохранились свидетельства о его храбрости командира 49 Брянского пехотного полка полковника Ефремова и старшего адъютанта штаба VIII армии полковника Ткаченко. В "Высочайшем приказе о военных чинах от 24. 02. 1915 г.", в частности, говорится, что "помощник старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 8-ой армии штабс-капитан Костанди 17 августа, будучи послан <...> для ориентировки 7-го армейского корпуса <...> под сильным шрапнельным и ружейным огнем направлял пехотные цепи и возвращал в строй отсталых, <...> в тот же день у деревни Мерещива также под сильным шрапнельным и ружейным огнем не только направлял с фланга подошедшие к 7-му корпусу подкрепления 60-й пехотной дивизии, но своевременной ориентировкой, по собственной инициативе, предупредил <...> расстрел друг друга этими частями, и тем много способствовал успеху действий 7-го корпуса".

* Здесь бросается в глаза довольно полная идентичность послужных списков этих двух офицеров царской армии, Л.В. Костанди и Й. Лайдонера. Оба они демократического происхождения, почти одногодки. Сначала вольноопределяющиеся, служат год солдатами, потом направляются в военные училища, откуда выпускаются подпоручиками. Далее поручики, после академии — штабс-капитаны. Участвуют в Великой войне примерно год, и за это время получают очередное офицерское звание капитана и более высокую должность. К 1917 году — они подполковники и переходят из обер-офицеров в разряд штаб-офицеров.

В декабре 1914 года Л.В. Костанди получает очередное воинское звание капитана, а далее еще ряд военных наград: ордена Св. Анны III степени с бантом и Св. Анны II степени, Станислава II степени с мечами. Военная кампания складывается для него удачно. Завершается она через 10 месяцев, когда он переводится обратно в Ревель, но теперь с повышением в должности.

К сожалению, следующие три года биографии Л.В. Костанди хуже документированы. В его личном деле, хранящемся в РГВИА, есть сведения только до первой половины 1915 года. По не совсем понятным причинам отсутствуют сведения за вторую половину 1915-го, за 1916 и 1917 годы, которые, по логике вещей, должны были бы быть. Но тут на помощь приходит Центральный архив ФСБ, восполняющий некоторые пробелы. Возможно, материалы из личного дела Л.В. Костанди перешли туда.

В Ревеле он первоначально назначен старшим адъютантом в штаб морской крепости императора Петра Великого.* Потом последовательно проходит ступени: начальника оперативной части, помощника начальника штаба и, наконец, с марта 1917 года — он начальник штаба крепости и Ревельского укрепленного района. Это его последняя должность в российской военной иерархии до октябрьских событий 1917 года. Последнее звание в РИА — подполковник.

Судя по всему, он принимает февральскую революцию 1917 года, так как во время нее становится членом Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов и председателем военного комитета Ревельского Совета. В течение 1917 года его имя постоянно мелькает в ревельских газетах. Некоторые сведения об этом периоде жизни Л.В. Костанди содержатся в некрологе, опубликованном в 1923 году в газете "Päevaleht". В нем говорится, что он способствовал формированию эстонских национальных частей и при его непосредственной поддержке был создан 3-й эстонский полк. Далее сообщается, что эти шаги были предприняты Л.В. Костанди под влиянием тогдашнего члена комитета организации эстонской армии

* Крепость Петра Великого начала возводиться в 1910-е годы. Она не была неким единым сооружением в Ревеле в нашем обычном понимании, а представляла собой цепь отдельных военных объектов (фортов, батарей, укреплений, складов и т. д.), которые тянулись вдоль побережья Балтийского моря на протяжении нескольких десятков километров, охватывая и острова. Ее главное предназначение — защита Ревеля с моря и суши, хотя какого-либо большого стратегического значения она не имела. Не было до конца ясно, кому руководить крепостью: сухопутным военным или флотским. Это было предметом постоянных споров. В начале 1918 года перед оккупацией Эстонии немцами почти все возведенные сооружения были взорваны. Но в центре Таллина и поныне на пересечении трех улиц, Пикк, Лай и Пагари, сохранилось здание штаба крепости Петра Великого, позже печально известное как штаб-квартира НКВД, через которую прошли многие жертвы репрессий.

Константина Пятса,* который в 1916 году служил прапорщиком в мобилизационном отделе штаба крепости Петра Великого. Отмечена доброжелательность и политическая интуиция Л.В. Костанди, что выделяло его из числа "власть имущих". Трудно сказать, был ли Леонид Васильевич большим патриотом независимой Эстонии. Но, как показывают его действия в этом случае и далее, видимо, понимал, что Российская империя нуждается в реформах.

По некоторым частным свидетельствам (сыновей Леонида Васильевича), после октябрьских событий 1917 он был арестован и какое-то время находился в тюрьме. Документальных подтверждений на этот счет пока найти не удалось. По данным Центрального архива ФСБ, Л.В. Костанди был демобилизован из армии в феврале 1918 года, видимо, накануне оккупации Эстонии немцами. В некрологе газеты "Päevaleht" указывается, что в период немецкой оккупации он состоял на службе у Эстонского временного правительства и, выполняя его поручения, лично ездил в Петроград на переговоры по признанию Эстонской Республики. Но 2 июля 1918 года его арестовывают немецкие оккупационные власти и уже 4 июля депортируют в Россию. Начинается наиболее драматический период его жизни.

В России в июле 1918 года уже идет гражданская война. Наиболее активные военные действия ведутся на юге, где формируется добровольческая Белая армия. Центральная Россия контролируется советской властью, но в Петрограде, Москве и других городах действуют офицерские организации, вербующие офицеров в Белую армию и организующие доставку в центры Белого движения. В целом ситуация очень запутанная, и новая власть еще не вполне устойчива. Офицеры после развала царской армии (а теперь в основном бывшие офицеры) — одна из наиболее уязвимых социальных групп: они лишены средств к существованию, их преследуют и достаточно планомерно уничтожают. Но не только большевики. Часто суд вершит толпа. Случаев сотни и тысячи по всей России, начиная еще с 1917 года.

После высылки, как можно понять из документов, бывший подполковник генерального штаба Л.В. Костанди оказывается в Москве. Здесь во Всероссийском главном штабе он командирится в гидрографическую экспедицию западносибирского района Северного Ледовитого океана. Это довольно неожиданное назначение. Вообще, Всероссийский главный штаб, созданный в мае 1918 года, можно назвать правопреемником Гене-

*Константин Пятс (1874, Тахкуранна — 1956, тюрьма, Калининская обл.) — один из основателей самостоятельной Эстонской Республики, глава пяти правительств и первый президент Эстонии. К его заслугам относится и создание эстонской национальной армии.

рального штаба царской армии (он просуществовал до сентября 1918 и будет реформирован в новую организацию). В нем работали тогда в большинстве офицеры прежнего генштаба. К ним относился и Л.В. Костанди. Поэтому, с одной стороны, его отношения с этим органом новой власти выглядят вполне объяснимыми. Несколько неожиданна именно командировка на Север в составе гидрографической экспедиции. Гидрография едва ли была ему знакома. Он не был морским офицером. Да и на Севере никогда не бывал. Судя по всему, это первая советская арктическая экспедиция. Декрет о ее финансировании подписан В.И. Лениным. А возглавлял ее капитан первого ранга Б.А. Вилькицкий, который до 1918 года служил на Балтийском флоте (командиром эсминца "Летун", а далее дежурным офицером оперативного отделения службы связи Балтийского флота). Но кроме того, был еще известным исследователем Арктики.* Вполне возможно, что он был знаком с Леонидом Васильевичем. Ведь контакты между флотскими и сухопутными военными в крепости Петра Великого были постоянны, а должность дежурного офицера службы связи Балтийского флота этому знакомству способствовала.

Но так или иначе, в конце июля 1918 года Л.В. Костанди оказывается в Архангельске. В составе экспедиции он находится до 26 сентября. А уже в октябре — в Белой армии Северного фронта. Та же судьба была уготована и руководителю экспедиции Б.А. Вилькицкому.

Сейчас трудно сказать точно, что преобладало на этом пути в Белую армию — умысел или случайное совпадение обстоятельств. Сама эпоха, крайне неустойчивая, часто ставила человека перед ситуацией, когда выбора перед ним не было...

Но попадает Леонид Васильевич в Архангельск как раз накануне смены власти на Севере и создания Северного фронта Белого движения, чему пред-

* Вилькицкий Борис Андреевич (1885-1961) — российский гидрограф, исследователь Арктики, контр-адмирал (1919). Окончил Морской кадетский корпус (1904). В 1908 г. окончил Николаевскую морскую академию по гидрографическому отделу. В 1908-1912 гг. выполнял ответственные гидрографические и геодезические работы на Балтийском море и на Дальнем Востоке, в 1913-1915 гг. — помощник и начальник гидрографической экспедиции в Северном Ледовитом океане; нанес на карты и описал острова архипелага Северная Земля, открыл новые острова (Вилькицкого), выполнил еще ряд подробных и важнейших гидрографических работ. В 1915-1917 гг. Вилькицкий участвовал в боевых действиях мировой войны на Балтийском море. В июне 1918 г. назначен начальником гидрографической экспедиции Западносибирского района Северного Ледовитого океана для обеспечения вывоза хлебных грузов в европейскую часть России. В Архангельске признал власть антибольшевистского правительства.

При эвакуации войск Северной армии генерала Миллера из Архангельска 19-21.02.1920 руководил этой операцией. С 1920 г. в эмиграции: Норвегия, Англия, Бельгия. Умер в Брюсселе (Бельгия).

шествовала высадка союзников 2 августа. Вслед за этим создается Временное правительство Северной области во главе с эсером Н.В. Чайковским.

Этот период жизни Л.В. Костанди сравнительно широко освещен в мемуаристике Белого движения. Его упоминают командующий войсками Северной области генерал В. Марушевский, военный прокурор Северной области С. Добровольский, командующий войсками Двинского района Северного фронта генерал И. Данилов, член правительства Северной области (в прошлом секретарь А. Керенского) Б. Соколов, Ю. Безсонов и др. Его имя встречается и у современных исследователей Белого движения: С. Волкова, В. Голдина, А. Дерябина и др. Есть справка о Л.В. Костанди и в "Энциклопедии гражданской войны (Белое движение)".

Л.В. Костанди, находясь с октября 1918 года в Белой армии Северного фронта, занимает достаточно заметные должности. Он здесь один из немногих офицеров генерального штаба, которых не хватает. Сначала он начальник канцелярии управления главнокомандующего войсками Северной области, потом начальник военного отдела Мурманского края. На этом посту он планирует и проводит успешную военную операцию против Красной Армии. Хотя Северный фронт в целом, в отличие от Южного, не проявлял большой активности, и все операции носили, как правило, локальный характер. В 1919 году ему присваивается звание полковника, и союзники-англичане награждают орденом. Последняя его должность — начальник оперативного отделения штаба главнокомандующего Белой армии Северного фронта или, по дореволюционной терминологии, генерал-квартирмейстер.

В феврале 1920 года начинается заключительный акт драмы Белого движения на Севере. Вспыхивают солдатские бунты с убийством офицеров и страшными бесчинствами. Рассыпается фронт: солдаты покидают позиции, и оборонительная линия белых размывается. Ситуация вполне типичная для эпохи гражданской войны. По-своему она прогнозировалась еще осенью 1919 года, когда с Севера ушли силы Антанты. Многие тогда считали, что без поддержки иностранных сил белым не выстоять. Этого же мнения, вероятно, придерживался и Леонид Васильевич.* В мемуарах командующего английским экспедиционным корпусом на русском Севере ген. Э. Айронсайда, в частности, упоминается эпизод, когда

* Ситуация, сложившаяся на Северном фронте к августу-сентябрю 1919 г., осуждалась в штабе Северного фронта. Было несколько точек зрения: генерала Марушевского (ратовавшего вместе с союзным командованием за полную эвакуацию области вместе с англичанами), генерала Миллера (принявшего решение о защите области собственными силами) и, например, полковника Л.В. Костанди, предлагавшего отход армией к Мурманску с оставлением Архангельска, тем самым сократив фронт в десятки раз.

полковник Л.В. Костанди возвращает ему недавно врученный английский орден, считая уход союзников предательством.

Так или иначе, командующий Белой армией на Севере генерал Е.К. Миллер и с ним еще около 800 человек 19 февраля 1920 года на ледоколе "Козьма Минин" бегут из Архангельска. Командует кораблем уже известный нам Б.А. Вилькицкий (теперь контр-адмирал). На море сложнейшая ледовая обстановка, и чем закончится это путешествие — неизвестно. По воспоминаниям Ю. Безсонова, Л.В. Костанди в разговоре с ним характеризует этот путь как очень простой, но ненадежный, предлагая ему уходить в Финляндию по суше. Впрочем, все получается как раз наоборот. Ледокол "Козьма Минин" благополучно достигает Норвегии, а группа Безсонова попадает в плен. В целом же эпилог Белого движения на Севере, опять же, во многом типичен для эпохи гражданской войны и описан еще М. Булгаковым в "Белой гвардии": командующий бежит от своих войск. Это, конечно, бегство, а не эвакуация.* Более того, накануне этого бегства, по утверждению генерала И. Данилова, войска получают приказ начальника штаба Квецинского до последнего стоять на своих позициях. Тысячи людей, связанные с Белым движением на Севере, брошены на произвол судьбы. Соответственно, по тому же раскладу булгаковской "Белой гвардии" возникает и фигура, напоминающая полковника Най-Турса.

Пожалуй, именно эта роль выпадает полковнику Л.В. Костанди. Он вообще никуда не уезжает, а остается в Архангельске. Не очень понятно, на что он рассчитывает. Ю. Безсонов приводит, например, такие его слова накануне главных событий: "У меня есть в Архангельске связи с рабочими. Я знаю, что здесь будет резня офицеров. Все уходят, и я остаюсь за начальника гарнизона, чтобы сдать Архангельск большевикам. Мне за границей не место" (Безсонов, 66). Б. Соколов и И. Данилов считают, что Л.В. Костанди остался в Архангельске по просьбе профессиональных союзов (Б. Соколов говорит даже об их требовании), которым была передана власть Белым командованием, и с согласия главнокомандующего (т. е. генерала Е.К. Миллера), для того чтобы устранить до прибытия большевиков эксцессы в отношении офицеров и жителей, а также явиться их защитником у новой власти. Получается, он оставлен заложником во имя спасения людей.

* В мемуаристике Белого движения на Севере этот вопрос становится объектом дискуссии. Одна из глав воспоминаний Б. Соколова так и называется, "Бегство или эвакуация?" Развал фронта и следовавшие за ним события, скорее всего, были в значительной мере неожиданными для верховного командования, и оно оказалось к ним во многом не готовым. Конечно, по извечной русской традиции возникли главные вопросы: "Что надо было делать?" и "Кто виноват?". Они требуют специального анализа и не входят в задачу настоящей статьи.

О самопожертвовании полковника Л.В. Костанди пишет и один из эстонцев — участник Белого движения на Севере Оскар Йопик (Oskar Öpik. "Teekond, mis algas Kundas" / "Путь, начавшийся в Кунда"). Но сюжет у него несколько иной. Он отмечает, что полковник Л.В. Костанди прикрывает уход на "Козьме Минине" тех нескольких сотен человек из охваченного бунтами Архангельска. И именно благодаря ему эта операция удается. Впрочем, самого Оскара Йопика в этот период в Архангельске не было, и обо всем этом у него скорее всего с чьих-то слов.

В любом случае, позиция Леонида Васильевича, мне представляется, весьма достойная, особенно на фоне бегства самого главнокомандующего, но, как нам сейчас окончательно ясно, — самоубийственная. Ясно и то, что в тот период у многих еще сохранялись иллюзии в отношении советской власти... Но в мужестве Леониду Васильевичу трудно отказать. Может быть, отчасти прав и Б. Соколов: "Костанди <...> был весьма разочарован в гражданской войне и, видимо, стремился в Советскую Россию <...> Несомненно, он был большим националистом и начал впадать в ту ошибку, в которую впали многие другие, олицетворяя в одном лице большевизм и национализм". Но были еще и личные мотивы, почему он остался в Архангельске. По свидетельствам моего отца Георгия Леонидовича и дяди, Кирилла Леонидовича, сыновей Леонида Васильевича, его в Гатчине должна была ждать жена Надежда Федоровна с детьми.*

В Архангельске был создан Временный комитет из представителей профессиональных союзов, и полковник Л.В. Костанди был назначен им комендантом города. "Роль его была незавидной. С одной стороны, он был ставленник генерала Миллера, с другой — у него не было никаких реальных возможностей осуществлять свою власть," — уточняет Б. Соколов. Фактически был период безвластия. Сил у переходного органа было крайне мало, и в городе ширилась анархия: грабежи, убийства, самосуды. Меж тем Красные войска (6-я армия) находились в нескольких десятках верст от Архангельска и входить в город не помышляли, видимо, слабо представляя, что в нем происходит. Еще в начале 1980-х гг. я пытался выяснить по официальным советским источникам, как воцарялась советская власть в Архангельске, и везде находил только торжественные реляции о победном шествии большевиков, о восстании народа — и ни слова о фактах. Но реально в конце февраля 1920 года в Архангельске склады-

* Драматизм ситуации заключался в том, что указания на этот счет якобы были даны в письме, которое она не то вовремя не получила, не то по каким-то причинам не смогла их выполнить и в последний момент уехала с детьми в Ревель, оказавшись таким образом в эмиграции.

валась курьезная ситуация. Межвластие затягивалось, анархия росла, и в этой обстановке было решено обратиться к командованию красных с призывом занять город. Л.В. Костанди по телеграфу связался с членом РВС 6-й армии Н.Н. Кузьминым. Но красные решили, что их заманивают в ловушку, и потребовали, чтобы Л.В. Костанди лично прибыл на станцию Обозерскую, где они располагались. Это условие было выполнено, и только тогда красные силами двух батальонов вошли в город.

В течение некоторого времени, как свидетельствуют участники событий, советскую власть в Архангельске возглавлял Н.Н. Кузьмин. Он был из когорты старых большевиков. Окончил в свое время Петербургский университет. По словам генерала И. Данилова, он произвел на Л.В. Костанди впечатление человека, с которым можно было "сговориться". Действительно, Н.Н. Кузьмин, судя по всему, представлял относительно либеральное крыло большевизма и был готов к сотрудничеству со старыми военспецами. Б. Соколов отмечает: "Первый период пребывания большевиков в Архангельске был временем совершенно несвойственного для большевиков либерализма. Это в значительной степени объясняется тем, что власть была в руках у комиссара Кузьмина, весьма правого и культурного коммуниста". Тот же Б. Соколов отдает дань и усилиям Л.В. Костанди: "Крупных эксцессов, насилий над офицерами почти не было, в чем несомненная заслуга полковника Костанди, который энергично вмешивался в защиту бывших офицеров. <...> И хотя официально полковник Костанди и считался устраненным от какой-либо должности с приходом Красных войск в Архангельск, неофициально — многое делалось по его указаниям и советам...". С этим повсвоему соглашается и один из современных исследователей гражданской войны на Севере В. Голдин, характеризуя в одном из своих интервью Л.В. Костанди как "порядочного и мужественного человека".

Но постепенно в Архангельск подтягиваются и репрессивные органы, и большевики иного настроения. Волна насилия начинает шириться. 15 марта 1920 года Н.Н. Кузьмина отзывают на время в Москву. По свидетельству Б. Соколова, сыграла свою роль жалоба уполномоченного особого отдела ВЧК А. Эйдука на то, что Кузьмин попал под влияние контрреволюционного офицерства. А Л.В. Костанди в числе других, еще находящихся на свободе офицеров, был арестован и посажен в Архангельскую губернскую тюрьму в особо строгие условия.

В конце марта 1920 года его и еще, по меньшей мере, около 200 белых офицеров (Б. Соколов говорит о 340 вывезенных из Архангельска) отправляют в Москву. Здесь их помещают в Бутырскую тюрьму, а потом ряд

из них, в том числе Л.В. Костанди, переводится во внутреннюю тюрьму ВЧК (Лубянка, 2). Далее судьбы этих людей расходятся. Авторам мемуаров, генералу И. Данилову и Б. Соколову, которые находились среди других привезенных из Архангельска в Москву, удалось вырваться из застенков и даже бежать в эмиграцию. Так, И. Данилов из Лубянской тюрьмы был переведен в Покровский лагерь, в дальнейшем отправлен на Польский фронт. В 1922 году ему повезло перейти финскую границу. Но в целом большая часть офицеров Северного фронта, как пишет С. Волков, планомерно уничтожалась.

Долгое время не было полной ясности о судьбе Л.В. Костанди. Генерал И. Данилов в своих воспоминаниях говорил, что узнал от верных людей в Петрограде о том, что Л.В. Костанди после того, как его несколько раз выпускали и вновь арестовывали, был в 1921 году расстрелян в числе 47 заложников после Кронштадтского мятежа*. Эта информация стала появляться в современных исторических исследованиях. В двухтомнике "Белый север", вышедшем в 1993 году в Архангельске, в биографической справке рядом с датой смерти Л.В. Костанди стоит вопросительный знак. Надеюсь, теперь эти сомнения могут быть развеяны.

В ответе Центрального архива ФСБ от 24.06.2005 на мой запрос о судьбе Л.В. Костанди сообщается, что в его уголовном деле есть сведения о том, что постановлением Президиума ВЧК от 4-5 и 21 февраля с дополнениями от 1 апреля 1921 года к Л.В. Костанди применена высшая мера наказания — расстрел. В приговоре он обвиняется в том, что "длительное время являлся врагом советской власти и большевизма" и что в одном из подписанных им воззваний к солдатам был призыв "к борьбе с мраком большевизма", а также в том, что он "утвердил приговор военного суда о расстреле 14 человек, принявших участие в восстании против белых и интервентов". Последний пункт обвинения обсуждался Л.В. Костанди с генералом И. Даниловым. В его мемуарах воспроизводится их разговор. Леонид Васильевич говорит, что люди, в отношении которых им был утвержден смертный приговор, являлись грабителями и убийцами, занимавшимися разбоем на железной дороге, и он, Л.В. Костанди, не воспринимает это обвинение серьезно. Однако все получилось не так, как можно было ожидать...

По сведениям С.В. Волкова, из белых офицеров, воевавших на Севере, погибло 15%, эмигрировало около половины, и свыше 35% попало в плен

* Интересно отметить, что упомянутый выше Н.Н. Кузьмин во время Кронштадтского мятежа был арестован. Потом выпущен и занимал в дальнейшем ряд высоких должностей в советской правительственной иерархии. Арестован в 1937 году и расстрелян.

и было в большинстве расстреляно. В это большинство, соответственно, попадает и полковник Л.В. Костанди.

Я остановился более подробно на последнем отрезке жизни Л.В. Костанди, потому что в русской эмиграции отношение к нему было, по крайней мере, подозрительное. Его упрекали, как можно понять из ряда воспоминаний, в симпатиях к большевизму, в том, что он сдал красным Архангельск.*

Так, генерал В. Марушевский, характеризуя Леонида Васильевича, замечает: "Офицер он был очень талантливый, способный, но уже, как казалось мне, несколько тронутый тлетворным влиянием революции. Костанди уже тогда во всем искал новых путей, что выражалось в его докладных записках по реорганизации армии". Не знаю, впрочем, чего здесь больше — критики или похвалы... Ему вторит и Б. Соколов: "Мнения о Костанди вообще были различны. Одни считали его большевистствующим, другие — самолюбивым честолюбцем <...> Во всяком случае, он был способным и талантливым военачальником, чего от него не могли отнять и его враги". Другим оппонентом стал, судя по воспоминаниям И. Данилова, генерал Н.А. Ключев. Отповедь ему дает сам генерал И. Данилов, также упрекаемый в сотрудничестве с советской властью. При этом генерал Данилов считает, что полковник Костанди, рискуя жизнью, пытался защитить брошенных на Северном фронте офицеров, и стремился "оградить его светлую память <...> от наветов". Та же позиция и у Ю. Безсонова**:

"Это был один

* Не последнюю роль здесь, конечно, играла и советская пропаганда. В некрологе А. Чернянского в ревельских "Последних известиях" упоминается, в частности, подача советским радио падения Архангельска как предательства полковника Л.В. Костанди.

** Воспоминания Ю. Безсонова "Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков" помещены в Интернете. Здесь же даны и некоторые сведения из его биографии. Безсонов Юрий Дмитриевич — офицер. Окончил Кадетский корпус, затем Кавалерийское училище. Участие в первой мировой войне. Капитан драгунского полка личной охраны его императорского величества. Организатор одного из военных союзов. В 1917 служба в Черкесском полку Туземной дивизии. Участие в походе Л.Г. Корнилова на Петроград. В октябре 1917 назначение помощником коменданта Зимнего дворца. Участие в обороне Зимнего дворца. В 1918 арестован и обвинен в агитации и пропаганде против советской власти. Пребывание в концентрационных лагерях на станции Плясецкой, далее на Разъезде 21-й версты. Арест Вологодской ЧК. Отправка в дисциплинарную роту. В 1920 побег в Белую армию. Поступление в 6-й Северный полк. Сдача в плен к большевикам. Заключение в Вологодскую тюрьму. Перевод в Архангельскую тюрьму. Следствие. Приговор: 5 лет. Освобождение от наказания с учетом амнистии. Предписание отправиться на советско-польский фронт в район Смоленска. В конце 1920 года вызов в Витебский военно-революционный трибунал. Арест. Направление в Витебскую тюрьму. Следствие. Суд. Освобождение. Поездка в Инспекцию кавалерии армии Западного фронта. Арест. Тюрьма на Шпалерной. Допросы. Приговор: ссылка в Сибирь на 3 года. Арест на улице. Приговор: высшая мера наказания — расстрел, с заменой тремя годами заключения в Соловецком лагере (ст. 220, 61, 95). Этап на Соловки. В 1925 году, 18 мая — 23 июня, побег совместно с Мальсаговым, Сазоновым, Мальбродским, Приблудным. Ликвидация красноармейских засад. Выход к финской границе. Задержание финнами. Доставка в Улеаборг. Заключение в тюрьму в Финляндии.

из тех немногих офицеров ген. штаба, которые, пройдя Академию, не отошли от офицерской среды. Человек, за которым можно было идти, человек принципа, воли, силы, разума, идущий во всяком вопросе решительно и без шор. Здесь на него вешают собак — он расстрелян большевиками".

Но как бы не относилась к Л.В. Костанди русская эмиграция 1920-х гг., думается, что он выполнил свой офицерский долг до конца. Его действия в самые драматические моменты Северного фронта свидетельствуют о его мужестве и готовности жертвовать собой. Несомненно, он стремился быть независимым в своих мнениях и поступках. Хотя эпоха тому не способствовала. Итог был плачевен: подозреваемый одной стороной в симпатиях к большевизму, Леонид Васильевич был расстрелян другой стороной как враг советской власти, белогвардеец и преступник. В чем-то такой финал закономерен для кровавой и жестокой передраги гражданской войны, стоившей, по разным оценкам, от 8 до 20 миллионов человеческих жизней. Я не случайно в комментариях к дневнику Леонида Васильевича подробно привожу биографию его бывшего полкового командира генерала Л.М. Болховитинова. В его судьбе, как и в судьбе Леонида Васильевича, мне видится некая параллель. Оба они не канонизированные герои Белого движения (есть ли такие, кроме всем известных белых генералов?), а люди, которые оказались, скорее, между жерновами, но, тем не менее, вопреки обстоятельствам стремились сохранить свое человеческое лицо.

О Л.В. Костанди вспомнили в Эстонии через два года после его гибели: появились два некролога в газетах "Päevaleht" и "Последние известия". Но в связи с публикацией в "Päevaleht" возникает, по крайней мере, один вопрос. Каким образом секретный документ ВЧК, ставший отправной точкой статьи в "Päevaleht", "случайно" (!) попал в руки эстонцев? Достоверность его происхождения по-своему подтверждает то, что в ответе Центрального архива ФСБ формулировки случайно обретенного документа повторяются почти слово в слово?! Но, наверное, это уже другая история...

Конечно, и в прижизненной биографии Л.В. Костанди остается ряд лакун, и не все ее эпизоды в полной мере ясны. Можно еще добавить, что обвинения, предъявленные Костанди на следствии в ВЧК, были сняты через 70 лет. Решением Генеральной прокуратуры России от 14 февраля 2001 года он реабилитирован.

